

выражающая властность их стихии, силу, которая может овладеть, приручить и в дальнейшем руководить любым существом на земле:

“This great saddle-of-mutton trait is of prime importance; not only does it illustrate their tenacity, both collectively and as individuals, but it marks them as belonging in fibre and instincts to the great class which believes in nourishment and flavour, and yields to no sentimental craving for beauty” [7, с. 67].

Наивысшим воплощением явления собственности является характер Сомса Форсайта. Коллизии его жизни связаны с желанием владеть тем, чем владеть невозможно без обоюдного желания людей. Сом мечтал завладеть душой и мыслями своей супруги Ирэн. Ему чуждо было признание невозможности реализации его прав владеть своей женой, ведь он её законный супруг, который ни в чём ей не отказывает (в материальном плане). Столкновение двух понятий, таких как власть и подчинение, выражены автором при помощи фразеологических сочетаний, а также метафорических сравнений с ключевыми словами *to own and to possess*:

“Soames only experienced a sense of exasperation amounting to pain, that he did not own her as it was his right to own her; that he could not, as by stretching out of his hand to that rose, pluck her and sniff the very secrets of her heart” [7, с. 86].

“He had married this woman, conquered her, made her his own, and it seemed to his contrary to the most fundamental of all laws, the law of possession, that he could do no more than own her body” [7, с. 179].

Таким образом, весь пласт ассоциативных определений, являющихся семантическим содержанием концепта Property в романе Д. Голсуорси «Собственник», развивается на основе базовых понятий информационного содержания данного концепта – понятий *Ownership and Possession*.

Выводы. Информационным содержанием концепта Property является оппозиция понятия власти и подчинения, что в дальнейшем своём развитии накладывает образ контроля и могущества субъекта владения и подчинения объекта власти (образы семьи Форсайтов как субъектов власти и Ирэн как объекта власти). Описание концепта Property в романе Д. Голсуорси строится на изначальном определении базовых номинаций информационного поля данного концепта – понятиях *Ownership and Possession*. Последующий процесс вербализации концепта основывается на применении автором следующих языковых средств выражения: прямые номинации слов; контекстуальные синонимы; окказионально индивидуально-авторские номинации; метафорические выражения; сравнительные и фразеологические обороты; свободные словосочетания, выражения и сравнения, номинирующие те или иные признаки, характеризующие концепт Property; авторская метафора; метафорические сравнения с ключевыми словами *to own and to possess*. Благодаря этим языковым единицам можно утверждать о полноте выраженности и коммуникативной релевантности концепта Property в романе Д. Голсуорси «Собственник».

Источники и литература:

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Пименова М. В. Душа и дух : особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 315 с.
5. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 42-67.
6. Black M. Models and Metaphors / M. Black. – Ithaca : Cornell University Press, 1962. – 206 p.
7. Galsworthy J. The Forsyte Saga / J. Galsworthy. – Moscow : Progress Publishers, 1974. – Book 1 : The Man of Property. – 383 p.

Кускова А.В.

УДК 821.512.145

ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА В ПЕРЕВОДАХ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

В условиях международной интеграции проблема диалога культур особенно актуальна. Человечество не смогло бы ступить на нынешнюю ступень цивилизации, если бы национальные культуры не питали друг друга, не боясь утратить национальную самобытность. Для французских исследователей мир славянских народов с пережитками языческих суеверий и драматичной историей представлял культуру манящую, но чуждую, привлекающую лишь явной экзотикой. Творчество Проспера Мериме представляет яркое исключение во французской литературе XIX в. Сознвая всю сложность стоящей перед ним задачи, писатель посвятил несколько десятилетий жизни изучению фольклора, литературы и истории славян.

Прослеживаются три этапа обращения Мериме к славянской тематике: в начале XIX в. работа над сборником иллирийских баллад «Гюзла», в зрелости - переводы на французский язык произведений русских писателей, историческая монография «Богдан Хмельницкий». В переводах из А.С. Пушкина Мериме стремился передать поэтику, гибкость русского языка, который он называл «самым богатым языком в Европе», считая, что «...создание высокой культуры перевода способствует росту данной национальной литературы и осознанию ею своего национального характера» [5, с. 8].

Среди исследователей, изучающих творчество П. Мериме, нельзя не отметить Э.Фаге и Ж.Фрестье, З.И.Кирнозе, О.С.Муравьеву, Е.Эткинда, М.Елизарову. Причем во французской критике творчество Мериме-слависта изучено недостаточно.

Цель статьи – проанализировать переводы П. Мериме произведений А.С.Пушкина, выявить стилистические особенности французских текстов, определить степень адекватности переводов пушкинскому оригиналу.

Невозможно говорить о переводе, абстрагируясь от авторского начала. Любой перевод – это «поединок» оригинала и иноязычной копии. Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка [4, с. 10]. Сложно передать образность, смысловую ёмкость речи (аллегорические иносказания, многоплановость языка), ярко выраженную национальную окраску содержания и формы оригинала. Смысловая ёмкость произведения проявляется либо как реалистическая типизация, либо как аллегорическое иносказание, либо как более сложная форма многоплановости. Эта особенность воссоздаётся обычно в результате передачи всей системы стилистических средств подлинника в их функциональной направленности [4, с. 274]. Сохранение национального своеобразия подлинника есть одно из основных условий художественного перевода, которое обеспечивает не только верное восприятие мыслей автора, но и превращает перевод в подлинное произведение искусства.

Для передачи национальной окраски и художественной образности иноязычных произведений используются следующие стилистические приемы: использование архаизирующих средств языка; нейтрализация исторического и национального колорита.

Но то, что, безусловно, представляет наибольший интерес в переводе – индивидуальное своеобразие авторской манеры, т.е. сложная система взаимосвязанных и переплетающихся особенностей, которая, по определению А.В.Федорова, «затрагивает всю ткань произведения и выражается в языковых образах. Индивидуальное своеобразие творчества находит своё языковое отражение в системе использования языковых категорий, обусловленных и национально, и исторически» [4, с. 293].

Таким образом, авторское мировоззрение и эстетика, эстетика его литературной школы и эпохи отображаются в литературе и языке.

А подлинно художественный перевод – это, как тонко отметил А.В.Фёдоров, «литературное произведение, вобравшее в себя музыку оригинала, язык которого, как бы своеобразен он ни был, составляет то общее, что роднит перевод с принявшей его литературой» [5, с. 14] и обеспечивает «перевыражение» жизни, закреплённой в образной ткани переводимого произведения.

Считая себя «*chevalier servant de Pouchkine*», наибольшее внимание Мериме-переводчик уделял творчеству великого русского поэта. После «Пиковой дамы» Мериме перевёл в 1852 году поэму «Цыганы», балладу «Гусар», в 1856 году – повесть «Выстрел», притчу «Будрыс и его сыновья», а также стихотворения «Анчар», «Опричник», «Пророк» [1].

Большое уважение у французского писателя, вызывает исключительная корректность, с которой Пушкин подходил к языку, верность стилю и необыкновенный литературный такт. Именно в этом П. Мериме видел истинное проявление таланта: при всём богатстве выбора – не становиться рабом блестящей и изысканной, но не содержащей ни мысли, ни чувства формы в ущерб содержанию. Русский поэт, по мнению П. Мериме, имел необыкновенный дар сохранить в первозданной чистоте авторский замысел со всеми, порой неразрешимыми, нравственными и философскими проблемами, не погрешив при этом против стиля и не пожертвовав прелестью языка. П. Мериме писал: «*Sa sobriété, son tact à choisir les grands traits de tous les sujets qu'il traite, à sacrifier les détails inutiles serait un mérite considérable... Personne ne raconte plus spirituellement que Pouchkine, personne n'entremêle plus agréablement la satire hardie, mais honnête aux observations justes et fines de moeurs et de caractères*» [2, с. 406]. Особо отмечает французский писатель необыкновенную связанность Пушкина с корнями, истоками родной земли не только в языке, но прежде всего в выборе сюжетов, в анализе поставленных проблем.

Во Франции XIX в. бытовало убеждение, что переводить стихи стихами немислимо, что французский язык может только честной прозой – в лучшем случае слегка ритмизованной – воспроизводить содержание иноязычной поэзии [5, с. 3]. Этому же мнению придерживается и П. Мериме, замечая, однако: «... *il est impossible de traduire des vers et surtout des vers lyriques en vile prose*» [2, с. 416]. Используя метод гипонимического перевода, Мериме, по сути, создаёт подстрочник стихотворных произведений Пушкина, не допуская, однако, по отношению к оригиналу свободной трактовки, искажающей авторский замысел.

Проанализируем творческий метод Мериме-переводчика на примере стихотворения «Пророк», задуманного А.С. Пушкиным как первое из цикла стихотворений с сюжетами из Библии (из главы 6 Книги Исаяи). Библейские мотивы обусловили выбор лексики А. С. Пушкиным. Речь идёт об употреблении старославянизмов («*перстами легкими*», «*вещи зеницы*», «*десницею кровавой*», «*уста замершие*»), а порой и прямых заимствований из библейского текста («*горний ангелов полёт*», «*восстань, пророк, и виждь, и внемли*»). Характерно для пушкинского текста также использование

- архаических падежных форм, распространённых в фольклоре:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход [3, с. 82]

А также «... жало мудрыя змеи» [3, с. 82];

- устаревших глагольных оборотов («*исполнись волею моею*», «*отверзлись вещи зеницы*»), а также:

И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул [3, с. 82])
Обращает на себя внимание и
- явное влияние фольклора,
- обилие эпитетов

И вырвал *грешный* мой язык,
И *празднословный* и *лукавый* [3, с. 82]
«жало *мудрыя* змеи», «сердце *трепетное*»,
- былинные сравнения:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы [3, с. 82]
-метафоры:

И *сердце* трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул [3, с. 82]

А также:

И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей [3, с. 83].

Нужно отметить также фольклорный параллелизм, который проявляется постоянным анафорическим повторением союза «и».

Стихотворные произведения переведены Мериме в прозе. Этим объясняется исчезновение ритма, характерного для религиозных и фольклорных текстов. Сохранившееся в переводе повторение союза “и” утратило своё стилистическое значение и не воспринимается как *анафора*: «*et je compris l’architecture des cieux, et les vols des anges au-dessus des monts*» [2, с. 418] - «и внял я неба содрогание, и горний ангелов полет» [3, с. 82]. *Старославянизмы* заменены у Мериме стилистически нейтральными перефразами: «*j’allais errant dans un sombre désert*» [2, с. 418] вместо «в пустыне мрачной *я влачился*» [3, с. 82], «*Lève-toi, ...vois, écoute*» [3, с. 418] – «*Восстань, ...и виждь, и внемли*» [3, с. 83] также, как *библейзмы*: «*горний ангелов полёт*» переведен «*le vol des anges au-dessus des monts*» [2, с. 418]. Аналитизм французского языка не позволил П. Мериме передать *архаические формы надежных флексий*, характерных для русского фольклора. «*Гад морских подводный ход*» превратилось в «*des essaims d’animaux marins sous les ondes*» [2, с. 418], утратив коннотацию; «жало мудрыя змеи» [3, с. 82] П. Мериме заменил аналитической конструкцией с предлогом – «*le dard du sage serpent*» [2, с. 418].

Исчезают из французского перевода *фольклорные эпитеты*. У Пушкина: «отверзлись *вещие зеницы*» [3, с. 82] – в переводе «*mes prunelles s’ouvrirent voyantes*» [2, с. 418]. Порой П. Мериме заменяет эпитеты *перефразами*, снижающими пафос и стиль: «...язык, и *празднословный*, и *лукавый*» – «*la langue pècheresse, la diseuse de frivolités et de mensonges*» [2, с. 418]. Из французского текста полностью исчезает трудная для перевода строка: *Исполнись волею моей* [3, с. 83].

П. Мериме сохраняет пушкинские сравнения, метафоры, стараясь как можно точнее передать содержание. Мысль о предназначении поэта-пророка, переданную метафорой «глаголом жги сердца людей» П. Мериме передаёт практически дословно: «*brûle par la Parole les coeurs des humains*» [2, с. 418], что дает возможность составить достаточно точное представление если не о форме, то о содержании произведения.

Ещё одной вехой творческого пути А.С.Пушкина стало стихотворение “Анчар”, также обратившее внимание П. Мериме. “Анчар” – это боль русского поэта, его протест против неограниченной власти человека над человеком. Также, как и “Пророк”, это стихотворение написано Пушкиным в былинной манере: фольклорная форма лучше всего позволяла поэту трактовать сложную проблему взаимоотношений людей в обществе. Эпические обобщения и аллегории передают наилучшим образом глобальные вопросы человеческих взаимосвязей.

По сравнению с предыдущим анализируемым стихотворением “Анчар” представлял для П. Мериме меньше трудностей при переводе из-за отсутствия в пушкинском тексте такого количества архаической и библейской лексики, сложных синтаксических конструкций, как в “Пророке”. Однако, и в этом случае имеет место тот же гипонимический перевод, когда устаревшие языковые формы, наиболее употребительные в фольклоре, передаются стилистически нейтральной лексикой:

К нему и птица не летит,
И *тигр* нейдёт... [3, с. 160].

Заменяется на : «*L’oiseau se détourne à son aspect, le tigre l’évite*» [2, с. 416]; «лишь *вихорь* чёрный» [3, с. 160] переводится как «*un souffle de vent*» [2, с. 416]; «бледное *чело*» [3, с. 160] – «*son front pâle*» [2, с. 417]; «и тот послушно в путь *потёк*» [3, с. 160] превращается во французском тексте в «*il part sans hésiter*» [2, с. 417]; «непобедимого *владыки*» [3, с. 161] – «*d’un prince invincible*» [2, с. 417].

Пушкинские персонификации, столь характерные для народных баллад, одухотворявших явления природы (традиция, унаследованная славянами из язычества), исчезают у П. Мериме:

... вихорь чёрный
На древо смерти *набежит* –
И мчится прочь ... [3, с. 160].

Во французском варианте: «un souffle de vent courbe son feuillage» [2, с. 416];

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий [3, с. 160].

П. Мериме передаёт как «Une ondée arrose un instant ses feuilles» [2, с. 416].

Как и в «Пророке», многие фольклорные эпитеты, гармонически слитые с тканью произведения, у П. Мериме исчезают :

К соседям в чуждые пределы [3, с. 161],

в то время, как у П. Мериме «sur la frontière» [2, с. 416]; либо изменяются: «песок горячий» [3, с. 160] – «le sol brûlant» [2, с. 416].

Что касается синтаксиса, П. Мериме становится заложником грамматического строя французского языка с его строго регламентированным порядком слов, который существенно затрудняет адекватный перевод пушкинских строк:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потёк [3, с. 161].

Аналитизм французского языка не дал возможности передать сложную пушкинскую конструкцию, гибкость которой в русском языке обусловлена использованием падежных флексий. У П. Мериме появляется достаточно громоздкая конструкция: «Mais un homme a fait un signe, un homme obéit, on l'envoie à l'antchar, il part sans hésiter» [2, с. 416], всё несовершенство которой сознавал сам писатель, сравнивая её с латинским аналогом, единственно способным передать возможности русского языка: «At vir virum – misit ad antchar superbo vultu – et ille obedienter viam ingressus est...» [2, с. 416].

Выводы. А. С. Пушкин интересовал П. Мериме как ни один литератор или государственный деятель эпохи. Не случайным было появление критической статьи об А.С.Пушкине, а также то, что подавляющее большинство переводов П. Мериме с русского языка составили произведения А.С.Пушкина, причём переводилась на французский язык не только проза, но пушкинская лирика. Одной из важнейших причин столь пристального внимания и глубокого интереса французского писателя к творчеству русского поэта явилось сходство в их восприятии действительности и способах её отображения. Оба писателя в начале своей литературной карьеры отдали должное романтической традиции, но затем перешагнули за её рамки, переставшие удовлетворять их творческий размах. Также, как А. С. Пушкин в России считается основоположником классического литературного стиля, Проспер Мериме во Франции воспринимается как блестящий стилист и тонкий эстет.

Переводя на французский язык лирические стихотворения А. С. Пушкина, Проспер Мериме использовал гипонимический метод перевода, который дал возможность заменить экспрессивную, архаическую лексику стилистически нейтральной, изменить синтаксические конструкции, что было непростой задачей, учитывая жёсткую структуру синтаксиса французского языка. Однако, подобный метод перевода не позволил полностью передать художественное своеобразие оригинала.

При этом нельзя не оценить бережное отношение французского писателя к переводимым произведениям и его стремление возможно более точно передать их содержание, не исказив авторского замысла, что составляет несомненное достоинство перевода П. Мериме.

Источники и литература:

1. Кирнозе З. И. «Друг другу чужды по судьбе, они родня по вдохновенью» (О том, что сближало П. Мериме и А.С.Пушкина) / З. И. Кирнозе // Mérimée, Пушкин. – М. : Радуга, 1987. – С. 4-31.
2. Mérimée, Пушкин / сост. З. И. Кирнозе. – М. : Радуга, 1987. – 432 с.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худ. лит., 1974. – Т. 2. – 685 с.
4. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. – М. : Высшая школа, 1983. – 396 с.
5. Фёдоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы / А. В. Фёдоров. – Ленинград : Советский писатель, 1983. – 352 с.
6. Эткин Е. Французская поэзия в зеркале русской литературы / Е. Эткин // Poésies françaises. Traductions des poètes russes du XIX et XX siècles. – Moscou : Edition bilingue, 1985. – С. 4-42.